

М. Б.

Как тюремный засов
разрешается звоном от бремени,
от калмыцких усов
над улыбкой прошедшего времени,
так в ночной темноте,
обнажая надежды беззубие,
по версте, по версте
отступает любовь от безумия.

И разинутый рот
до ушей раздвигая беспамятством,
как садок для щедрот
временным и пространственным пьяницам,
что в горящем доме,
ухитряясь дрожать под заплатами
и уставясь во тьму,
заедают версту циферблатами, —
боль разлуки с тобой
вытесняет действительность равную
не печальной судьбой,
а простой Архимедовой правдою.

Через гордый язык,
хоронясь от законности с тщанием,
от сердечных музык
пробираются память с молчанием
в мой последний пенат
— то ль слезинка, то ль веточка вербная, —
и тебе не понять,
да и мне не расслышать, наверное,
то ли вправду звенит тишина,
как на Стиксе уключина.
То ли песня навзрыд сложена
и посмертно заучена.

июнь—июль 1964